

ВАЛЕНТИН САВИН

Энциклопедия!
МЕТОД АЛЬМАНАХА
„СТАВРОПОЛЬ“

Два рассказа

Горыныч

Много горьких минут доставил мне в свое время этот урод. И я бы с удовольствием променял его на любую, что ни на есть захудалую лошадь. Но в условиях прикаспийской пустыни он был тогда самым надежным видом транспорта. В день моего приезда управляющий отделением совхоза, ознакомив меня с делами, сказал:

— А ездить будешь вот на Горыныче. Добрая животино! — и кивнул на привязанного к арбе тощего, облезлого верблюда. Гордо подняв голову, хмурый и надменный, тот флегматично пережевывал жвачку. В оттопыренной нижней губе, во взгляде полуприкрытых глаз, да и во всем облике «корабля пустыни» сквозило такое презрение ко всему окружающему, что я усомнился, будет ли он мне послушен. Тем более, что с верблюдами я в жизни дела не имел.

— Послушает! — заверил меня управляющий. — Только ты того... поостроже с ним. Сразу покажи свое... э-э... как это... преимущество, что ли...

— Превосходство?

— Вот-вот! Горыныч твердый характер любит. Прежний зоотехник, что до тебя работал, из централки у него над ухом стрелял. Бился-бился, потом ахнул неожиданно из обоих стволов — он и сдался. Я думал, сгоряча убить хочет. «Нет, — говорит, — это я на его психику повлиял». Ну, а мне довелось, я не мудрил, а просто вывернул из телеги оглоблю... Тоже помогло. Слушается. Вот смотри.

Управляющий подошел к Горынычу и, грозно на него прикрикнув,

дернул за аркан. Верблюд недовольно рывкнул, потоптался на месте и медленно лег.

— Видал? — Чувствует хозяйскую руку. Теперь, чтоб удобнее было сидеть, клади на него седло. — Он указал на какой-то треугольный матрац из мешковины, сквозь рваные края которого торчала солома. — Понятно?

Я кивнул. Вздохнув, вспомнил горячего донского скакуна, верно служившего мне в недавнем прошлом, и щегольскую казачью сбрую.

Начальство уехало. Я приступил к работе, забыв на какое-то время про верблюда. Однако вскоре он мне понадобился. Участок большой, разбросан на десятки километров. А кругом степь, песок — буруны, одним словом.

Лошадь, имевшаяся на ферме, быстро сдала, и я, скрепя сердце, решил ехать на Горыныче.

Не без опаски подошел в первый раз к страшилищу. Верблюд, по своему обыкновению, жевал, не обращая на меня ни малейшего внимания. Я строго на него крикнул и потянул за волосяной аркан. Горыныч и ухом не повел. Я снова дернул веревку и пнул упряма сапогом в бок. Оскорбленный Горыныч взревел и неожиданно оплевал меня с головы до ног своей липкой, зловонной жвачкой.

Кое-как, с помощью подоспевшего рабочего-казаха, я с ним справился и, взгромоздившись на некое подобие седла, поехал.

Что это была за езда! Без конца недовольно рывкая, Горыныч легко и размашисто шагал по песку. Шел он

иноходью, попеременно выбрасывая то правые, то левые ноги. Меня на верхотуре так качало, что кружилась голова, и я опасался заболеть морской болезнью. Потом я все же освоился, притерпелся. А через несколько дней уж ездил не хуже заправского бедуина.

Надо отдать справедливость Горынычу — гораздо быстрее лошади доставлял он меня в нужное место. После второй поездки он хорошо запомнил мой маршрут и потом самостоятельно направился, куда требовалось.

Но характер у него был тяжелый. Скажу больше: такого злобного и лукавого создания мне еще не доводилось встречать. Пытаясь добиться послушания Горыныча, я сознательно не прибегал к варварским методам вроде стрельбы или побоев, о которых говорил управляющий. Старался воздействовать на него спокойным обращением и лаской. Хорошо кормил.

И вот как он отвечал на все это. Несу, например, ведро отрубей с молотым жмыхом и солью — любимым его лакомством.

— Змеюшка-Горыныч, — зову, — на-ка, отведай.

— А-а! Кхн-кхн! — ревет Горыныч, оскалив желтые клыки. Затем, плюнув на меня мерзкой своей жвачкой, начинает есть с таким видом, точно делает мне великое одолжение. Или, вижу: в полдень, в самое пекло, подошел Горыныч к водовозной бочке. Хоть он и верблюд, а все-таки жажда одолевает. Крутится возле бочки, заглядывает...

Казахи неподалеку в холодке сидят, чай пьют и в ус не дуют. Я иду, наливаю ему воду, а он преспокойно зубами срывает с меня белую мою фуражку, швыряет наземь и, затоптав ее лапищей, тянется к ведру. Подумать только! После подобного хамства у него хватает совести пить из моих рук. Нет, не зря ему такую кличку дали. Подходишь к нему с самыми добрыми намерениями и ждешь очередной каверзы.

Как-то решил я почистить Горыныча. Вечно-то он в пыли, в мусоре. Невылинявшая шерсть висит безо-

бразными клочьями. Смотреть противно. Ласково разговаривая, поглаживаю его, обметаю. А он тут же со всей тяжестью наступает мне на ногу. Хоть было очень больно, я стерпел. Не крикнул, не ударил. «Ладно, — думаю, — с людьми и то случается, особенно в трамваях, а тут — верблюдов как-никак. Хорошо еще, что природа наделила его мягкой лапой, а если б сплошное копыто?». Утешив себя такими рассуждениями, простил неловкость Горынычу и продолжаю приводить неряху в порядок. Через минуту он снова отдал мне носок. Присмотрелся, а этот скот нарочно топает, стараясь нащупать мою ногу и давить как следует! Еле сдержался, чтобы не схватить дрючок и не отлупить зловердную тварь.

II

И все-таки мы с ним поладили. Горыныч был сражен окончательно и признал, наконец, превосходство нового хозяина. Даже проникся ко мне уважением. Помог этому случай.

Понадобилось мне однажды срочно ехать в контору совхоза. Это не близко. До первого отделения, как утверждают старожилы, сто с гаком. А до центральной усадьбы — и того больше. Мне посоветовали выехать до зари, чтобы по прохладе проделать хотя бы половину пути. Накануне, после полудня, оседлал я низкорослую киргизскую лошадку, взял арапник и отправился загонять Горыныча. «Нужно, — думаю, — привязать. А то хватишься, а его, бродягу, и собаками не сыщешь». Опасался я не без основания. Верблюд в последнее время нашел уловку — убегал. Покрутится на ферме, перекусит, напьется, и был таков. Рыщешь потом целый день по степи — нет его. Как сквозь землю провалился! А он лежит себе где-нибудь в колючках. Ноги вытянет, голову спрячет и шкура под цвет местности — попробуй разгляди! Часто он проводил меня таким образом.

Горыныча я обнаружил за кухней. Он очень любил валяться на пустыре, куда кухарка выносила горячую золу. Лежит,

бывало, шерсть трещит, паленым за версту несет, а ему хоть бы что. Вот и на этот раз, повалившись в золье и мусоре, верблюд поднялся, собираясь пастись. Увидев меня верхом и с арапником, он тотчас сообразил, что еду по его душу, и быстро направился в степь. Я припустил за ним во всю мочь. Горыныч тоже сорвался в свой несуразный галоп и на глазах начал удаляться. Проводив его взглядом, натягиваю повод. Где уж моему коротконогому маштачку состязаться в беге с быстроходным драмадером! Я видел, как на скачках, до которых большие охотники казахи и киргизы, такой верблюд шутя обошел на своих ходулях прославленного резвостью жеребца-карабаира. Расстояние между мной и Горынычем с удручающей быстротой увеличивалось. Вот он движущейся желто-бурой точкой помаячил впереди, а через несколько минут совсем скрылся за горизонтом.

Ехал довольно долго, пока увидел среди зарослей гребенчука знакомую горбатую фигуру. Горыныч услышал конский топот, и голова его на длинной шее удивленно взметнулась вверх. По его расчетам, — а так оно обычно и случалось, — я должен был давно плюнуть и прекратить бесполезную погоню. Но на сей раз я упорно продолжал преследование, надеясь сам не зная на что. Некоторое время верблюд оставался в положении напряженного созерцания. Затем резко повернулся и снова бросился наутек. Бежал он легко, далеко вынося свои длинные ноги, и вскорости опять исчез из вида. Горыныч словно растаял за голубовато-сизой чертой, куда уж скатывалось заходящее солнце.

Ш

Я поторопил конька, так как знал: не удастся до наступления темноты завернуть верблюда — пиши пропало. Ночи здесь такие, что в двух шагах будет стоять и не увидишь. Однако гнаться дальше по прямой за этим дьяволом не имело смысла. Надо что-то придумать. Но что? Привстав на стременах,

оглядываю бескрайнюю, как море, слегка холмистую равнину. И вдруг вспомнил! Тут где-то, в километре правее, должна быть балка. Я же недавно ее обследовал, намереваясь перегнать туда отару овец. И тянется она как раз параллельно направлению, по которому уходил Горыныч.

Круто сворачиваю вправо и вскоре спускаюсь в балку. Долго скачу по ее мягкому, извилистому дну. Наконец решил выглянуть. Оставил маштачка, вскарабкался по склону, и сердце забилось сильнее от охватившего внезапно какого-то охотничьего азарта. Горыныч пасся как раз напротив. Время от времени он останавливался и, высоко подняв голову, смотрел назад. Не видя погони, успокаивался и опять принимался пастись. Пятясь, я спустился к лошади и поехал дальше. Теперь предстояло найти излучину, по которой можно было бы незамеченным выйти наперерез верблюду. Рыская по балке, увидел подходящую промоину. Была она, правда, не очень глубока, но, если спешиться... Я соскользнул с седла и, таща за собой измученного конька, пробрался довольно далеко по оврагу. Здесь, за большим курганом, и решил сделать засаду. Выждав немного, вывел лошадь к кургану, прихватил поводом ногу, а сам ползком полез на вершину, густо поросшую ковылем и полынью. Осторожно раздвигаю кустики и первое, что вижу по ту сторону кургана, — косматый горб, чуть свесившийся набок. Ничего не подозревавший Горыныч медленно поднимался по склону. Ветер дул от него, и верблюд по запаху не мог меня обнаружить. Кроме того, он решил, что я безнадежно отстал, и окончательно успокоился. Вот Горыныч еще раз, для верности, оглянулся и, вновь уткнувшись в траву, продолжал идти прямо на меня. Расстояние между нами уже не превышало двадцати метров.

Бесшумно, на животе, я спустился к маштачку, проворно вскочил в седло и, размотав длинный арапник, птицей взлетел на вершину кургана.

Мы столкнулись нос к носу. На

какой-то миг замерли друг перед другом, и тут я едва не выронил кнут, задохнувшись от смеха. Потрясенный Горыныч был неузнаваем. Такой жалкой и растерянной морды я в жизни не видел. Куда только девались его спесь и важность! Широко расставив ноги, он недоуменно тарачил на меня глаза. Из рта свисал пучок недожеванной травы. Бедный верблюд никак не мог взять в толк, откуда я взялся. Наверное, думал: уж не померещился ли я ему? Но я быстро рассеял его сомнения. Издав торжествующий вопль, с наслаждением вытянул арапником по облезлому, точно бубен, боку.

— Что? Убежал, змей несчастный? — орал я. — А ну, марш на место, пар-ршивый черт! — И опять замахнулся. Но вторично ударить не пришлось. Мой голос и арапник вывели из оцепенения Горыныча. Испуганно заревев, верблюд круто развернулся и опрометью понесся обратно. Нигде не задерживаясь, он без оглядки бежал прямо домой. Я изрядно от него отстал, а когда приехал на ферму, Горыныч уже стоял возле арбы на своем обычном месте. Верблюд пугливо смотрел на вездесущего хозяина и дрожал, покорно ожидая наказания. Мне даже стало немного жаль гордого и строптивого Горыныча. Я привязал его арканом, поглаживая и ласково разговаривая, дал ведро мешанки. Не сразу пришел он в себя и начал есть.

С тех пор мы с Горынычем стали друзьями. Он шел на зов, безропотно выполнял, что от него требовалось.

От одного лишь не смог я его отучить: от привычки орать без всякой нужды своим противным, скрипучим голосом. Но тут ничего не поделаешь. Такова уж, должно быть, его, верблюжья, натура.

ОТВАЖНЫЕ ОХОТНИКИ

Расположившись с книгой в беседке, я читал. Откуда-то сверху сорвалась гусеница и упала прямо на раскрытую страницу. Я страшнул ее и продолжал читать. Через некоторое

время эта гусеница снова попала мне на глаза. Она торопливо ползла, стремясь быстрее пересечь площадку и укрыться в цветнике. Оно и понятно: не ровен час, заметит синица или скворец на открытом месте — быть беде! Но, оказывается, не только птиц ей следовало опасаться. Гусеницу увидел муравей, рыскавший по земле у самых моих ног. Гусеница была крупной — длиннее спички. Да и толщины порядочной. Муравьишка против нее — как человек против заводской трубы. Однако это нимало не смутило муравья. Он догнал гусеницу. С ходу вскочил на нее и впился челюстями в мясистое тело, как раз за головой. Гусеница резко изогнулась, ударила по наглцу своей задней частью — хвостом. Раз, другой, третий... Но муравей держался цепко.

Не переставая наносить удары, гусеница извивалась, каталась, — муравей держался. Он только перебирал ногами, устраиваясь поудобней, и еще сильнее сжимал челюсти. На шее у нее показались две маленькие зеленоватые капли — кровь. Не взвидя света, гусеница «встала на дыбы», то есть поднялась во весь рост и с размаху ударилась о землю. Так поступают при обучении иные лошади, падая на спину, чтобы своей тяжестью придавить наездника.

Я отложил книгу и продолжал наблюдать за жестоким поединком.

Последний маневр гусенице удался. После нескольких взлетов и падений, муравьишка забеспокоился, задвигался. Пытаясь избежать ударов о землю, он старался вильнуть в сторону. На какой-то миг ослабил челюсти, и гусеница тут же стряхнула его. Муравей отлетел, а она, быстро складываясь и выпрямляясь, опрометью пустилась удирать. Так и отмеривала сантиметра по три сразу по направлению к зарослям. Муравей не без труда догнал ее, вцепился... Гусеница применила испытанный прием, отшвырнула его и поползла дальше.

Муравей растерянно заметался. Что делать? И бросить такую добычу жалко, и одолеть не может.

Покружившись на месте, он вдруг побежал в сторону.

«Куда ж это он подался?» — подумал я.

Э-э, вон оно что: за подмогой!

Неподалеку шла муравьиная дорога. По этому шляху с утра до позднего вечера сновали муравьи. Один с какой-нибудь ношей, другой налегке. Которые с грузом, направлялись в угол беседки, где было несколько нор, колония муравьев. Те, что порожняком, исчезали под кустом жасмина.

Вот сюда-то и спешил теперь мой охотник. На шляху, как всегда, царило оживление. Тот волок личинку, тот — травинку, тот — жирную, неповоротливую тлю... Этих тлей, как известно, муравьи держат вместо коровы — «доят» ее. Подтащат к матке, пощекочет усиками. Тля жидкость выпускает, и матка лакомится в свое удовольствие.

Муравей-охотник метался сбоку дороги, совался то к тому, то к другому и, видимо, призывал:

— Братцы! Помогите! Этакая гусеница попалась, а одному не одолеть.

Но муравьи обходили назойливого собрата и спешили каждый по своим делам.

— Что ж вы, братцы? — не унился охотник. — Уйдет ведь, каналья... Наконец один остановился.

Тощий, черный с рыжими подпалинами, такой же, наверное, отчаянный. Он бросил дохлую муху, которую тащил, ухватив за крыло, и присоединился к охотнику. Вдвоем они устремились наперерез гусенице и настигли ее в тот момент, когда до спасительных кустов оставалось рукой подать. Муравьи вцепились ей в шею и повисли с обеих сторон, как гончие на диком кабане. Но гусеница уже знала, что с ними делать. Ударила хвостом — висят. Взвилась вверх, стала биться о землю — разлетелись муравьи кто-куда. Снова накнулись. И опять неудачно. Ползет гусеница. Еще минута, и залезет на ветку. А оттуда попробуй стащи ее! Нет, до кустов допустить нельзя.

Муравьи ухватили за хвост. Гусеница, изогнувшись, резко повернулась.

Оба миготом отскочили, боясь попасть под челюсти. А они у гусеницы тоже сильные, острые. Хватит такими — сразу ноги, а то и головы лишишься.

Пока гусеница разворачивалась, охотники, шевеля усиками, совещались. Разговор у них шел, видимо, такой:

— Нет, так дело не пойдет, — говорил муравьишка своему тощему другу. — За хвост не удержать. За голову ухватить — об землю шархнет... Надо как-то по-другому.

— Погоди, — задергал усом тощий, — а что если... Эх, была не была! Попробуем. Грызи ее сзади, я — спереди. Ну, смелей!

Они догнали гусеницу и яростно вцепились один в хвост, другой возле головы. Гусеница принялась отчаянно извиваться, но укусить не могла — тощий в шею впился. Встать «на дыбы» нельзя — тот за хвост тянет, дергает, опоры лишает. Осталось одно — извиваясь, бить ими друг о друга. Но это для муравьев полбеда. Они не отпускали своей жертвы и все глубже вгрызались в ее тело.

Гусеница оказалась сильной и необычайно живучей. Более двух часов длилась борьба. Но по-прежнему резки и быстры были рывки ее упругого тела. Однако развязка неумолимо приближалась. Прошло еще немного времени, и сопротивление ее стало слабеть.

Наконец настал момент, когда гусеница только чуть вздрагивала. Потом она еще несколько раз конвульсивно дернулась и затихла, вытянувшись во всю длину. Муравьи отпустили ее, осмотрели, куснули для верности в разных местах: «не претворилась ли?»

Гусеница была неподвижна. «Отвоевалась», — решили охотники и отошли в сторону. Отдыхая, они теперь, по-видимому, ломали головы над другой задачей. Одолеть одолели, а как тащить такую громадину? Покрутились, примерились, берут попереки, волокут. Бросили. Тяжело. Неудобно. Тут на помощь к ним подоспело сразу четверо муравьев. Впряглись гуртом — дело пошло веселей. Хоть и медленно, а все

же продвигается гусеница. Вот уж и жилье рядом. На беду, путь преградила сухая бурьянина. Длинный, в палец толщиной, ствол, сруб-пенный тяткой, лежал перед самой норкой. Мне очень хотелось вмешаться и убрать с дороги эту помеху. Но верх взяло любопытство: как-то они выйдут из положения?

Наткнувшись на бурьянину, для них — огромное бревно, муравьи остановились. Побегали, прикинули: в обход тянуть — далеко, да и обидно — нора-то вот она. Попробовали поднять — не вышло. Сорвалась гусеница — тяжела слишком. Не перетащишь через «бревно». То-то ругали они небось в этот момент половшую здесь хозяйку. Однако делать что-то надо. И муравьи нашли выход. Обследовав «бревно», обнаружили место, где оно неплотно прилегает к земле. Устремились туда, подкопали, подчистили и стали потихоньку протаскивать гусеницу под стволом.

Струдившись по ту сторону, они дергали ее изо всех сил и протащили уж до половины. Тут снова вышла задержка. Мимо пробежало несколько муравьев из соседней норы. Они обратили внимание на торчавшую из-под ствола и чуть двигавшуюся гусеницу. Не долго думая, пятеро вцепилось в нее и давай тянуть к себе. Силы и тех и этих были примерно равны, и гусеница застряла под бурьяниной. Продолжительное время длилось это состязание. Наконец законные владельцы трофея не вытерпели. Двое из них полезли узнать, что же там заело? Они взобрались на «бревно», взглянули, да так и обмерли от гнева и возмущения: — Братцы, грабеж!

Мигом все сыпанули через бурьянину. После короткой потасовки отогнали агрессивных соседей и опять принялись за гусеницу. Четыре муравья перебрались обратно, двое предусмотрительно остались здесь. Там тянули, отсюда подталкивали, и гусеница пошла довольно быстро. Вот она уже на гребне воронкообразной насыпи над отверстием норы. У входа копошились ее

обитатели. Охотники, очевидно, решили им сделать сюрприз. Они столкнули гусеницу, и та, перевернувшись, грохнула вниз, прямо на головы ничего не подозревавших муравьев. Поднялся переполох. Кто бросился на гусеницу, кто от нее. А один паникер даже выскочил через запасный ход с яйцом в зубах. Спасать кинулся. Но вскоре суматоха улеглась. Муравьи дружно взялись за гусеницу, и она заскользила в нору. Паникер с яйцом в зубах стыдливо повернул назад.

Гусеница же все больше и больше погружалась в землю. Вот на поверхности осталась только ее голова. Потом и она скрылась. Так закончился один из эпизодов в жизни этого трудолюбивого и храброго племени.